

Вариативность в языке и речи : межвуз. сб. науч. тр. — Архангельск: ПГУ им.
М.В.Ломоносова, 2001.

А.А.Худяков
г. Архангельск

Множественность и вариативность трактовок предложения в лингвистической теории

Настоящая статья представляет собой краткий очерк истории трактовки предложения в различных лингвистических школах, который призван служить двуединой цели: показать, какой вклад каждое из направлений лингвистической мысли внесло в интерпретацию одного из центральных и сложнейших феноменов – предложения и, с другой стороны, почему ни одно из них не предложило удовлетворительной во всех отношениях трактовки данного объекта и почему, следовательно, является правомерным наше обращение к нему в данной работе.

В качестве исходного примем предложенное Л.С.Бархударовым в работе 1976 года условное деление синтаксической теории на три этапа: синтаксис традиционный, структурный и порождающий (генеративный) [Бархударов 1976б]. В последующий период набрал силу и в значительной степени отошел в прошлое, реализовав свои методологические установки, семантический синтаксис. Именно эти четыре ступени развития синтаксической теории мы подвергнем анализу в качестве “предтеч” современной “постгенеративной” когнитивно-прагматической парадигмы в языкознании.

Синтаксические теории, условно обозначаемые как “традиционные”, определяли лицо грамматической науки в течение нескольких сот лет (со времени возникновения в Европе первых описаний национальных языков) вплоть до тридцатых годов двадцатого столетия. Так, принято считать, что история английских грамматик берет начало в 1585 году - времени появления работы Уильяма Буллокара “Bref Grammar for English”, во многом следовавшей традициям грамматик латинского языка, но нацеленной на описание современного автору английского. Период с 1585 года и до второй половины 18 века был, как справедливо отмечают Л.Л.Иофик, Л.П.Чахоян и А.Г.Поспелова [Иофик, Чахоян, Поспелова 1981], периодом донормативных грамматик,

характеризовавшихся сильным влиянием латинской грамматической традиции, недифференцированностью логических и грамматических категорий, рассмотрением предложения нередко в рамках описания правил пунктуации и в разделах, посвященных риторике. Со второй половины 18 века превалирующий стиль английских грамматик можно определить как “прескриптивный”, то есть не только описывающий систему языка, но и предписывающий нормативное употребление форм, считающихся правильными. Прескриптивные грамматики сыграли большую позитивную роль в кодификации и систематизации английского языка, создании единой литературной нормы. Фиксация узуса в сфере орфографии, орфоэпии, морфологии и синтаксиса имела огромное значение и была чрезвычайно актуальной задачей для формирования английского языка, так как языковое “наследие” французско-английского периода характеризовалось излишней вариативностью на всех уровнях языковой системы. Как отмечает Т.А.Расторгуева [Расторгуева 1983, 156], в течение длительного времени после нормандского завоевания в 1066 году на территории Англии существовали два письменных языка, причем оба иностранные для населения страны - латынь и французский. Разрыв с французско-английской письменной традицией, произошедший после 1066 года, привел не просто к изменению написания, а к изрядной путанице в области орфографии. При замене некоторых ирландских или древне-английских знаков французскими твердой нормы не существовало [Бруннер 1955, 148-149]. “Англо-нормандские писцы, внося в написание английских слов навыки своей орфографии, часто путали буквы, особенно когда они встречались с незнакомыми им древнеанглийскими буквами. ... Поэтому написания этих букв иногда так непонятны, что приходится угадывать, что имели в виду писцы” [там же, 149]. Как следствие одно и то же слово еще в 16 веке могло иметь несколько вариантов, например, “книга” писалась booke, boke, boc, boske, bosk, book [Аракин 1955, 41].

Вариативными были также правила чтения, нормы морфологии и синтаксиса. Появление на этом фоне прескриптивных грамматик таких авторов, как Р.Лоут, Л.Муррей, Дж. Гринвуд и других, явилось важнейшим фактором стабилизации языковой нормы. Считается, что лучшими и, скорее всего, последними из ряда прескриптивных грамматик были работы Мэнсона (1858) и Бэйна (1863) [Июфик, Чахоян, Поспелова 1981, 18].

Последняя из названных [Bain 1904] содержит не только богатый фактологический материал по системе языка, включая лексикологию и пунктуацию, но и некоторые весьма, впрочем, немногочисленные попытки теоретизирования относительно этого материала. Так, например, делается попытка разграничить слово, словосочетание и предложение на основе критерия значения [там же, 8], предлагается ввести термин (с многочисленными отсылками к историческим источникам языковых явлений и межъязыковым параллелям) ‘Universal tense’ для видовременной формы Present Indefinite, обозначающей вневременные истины [там же, 185] и другие. Не будет по этому преувеличением сказать, что грамматика Александра Бейна вплотную подошла к уровню классических научных английских грамматик, появившихся на рубеже 19 и 20 веков.

Некий “маргинальный” тип грамматик знаменует собой редко упоминаемая в трудах по истории английских грамматик работа “Элементы английской грамматики” Альфреда С.Уэста [West 1910], впервые опубликованная в 1893 году. Будучи в целом грамматикой описательного типа, она отличается гораздо бóльшим удельным весом теоретического осмысления материала, чем, например, упомянутая выше грамматика А.Бейна; теоретизирование осуществляется при этом за счет исключения сведений из истории языка, что противоречило принятой в то время традиции подачи грамматического материала. Исторические сведения приводятся лишь там, где это абсолютно необходимо для понимания современного автору грамматического строя. Теория предложения излагается непоследовательно и в значительной мере бессистемно. Впервые понятие предложения вводится в главе “Этимология”, посвященной классификации слов, их деривации и изменению; при этом их происхождение и историческое развитие, то есть этимология в современном смысле слова, даже не упоминаются. Уэст группирует слова в классы в соответствии с их разнообразными функциями в предложении, выделяя восемь частей речи [West 1910, 63] и предвосхищая, таким образом, методологический примат синтаксиса над морфологией, столь характерный для представителей структуралистских, генеративистских и семантико-синтаксических теорий 20 века.

Последующая трактовка предложения осуществляется в разделе, посвященном союзам, где рассматриваются сочинительные и подчинительные

союзы и соответствующие типы сложных предложений [West 1910, 192-197], а когда автор подходит к главе, название которой дает основание думать, что в ней-то и будет дан анализ собственно предложения (глава 22), то оказывается, что вся теория была уже в основном изложена в разделах по этимологии и союзам. Тем не менее, в главе 22 мы находим сведения о коммуникативных типах предложения (каковых насчитывается четыре), о субъекте и предикате, трактуемых с логических позиций, о комплементе как необходимом элементе заполнения глагольной валентности (эта терминология, разумеется, не употребляется), об эллиптических предложениях и др. [там же, 209-216]. Не являясь еще в полном смысле слова научным описанием языка, грамматика Уэста была востребована как хорошее пособие для учащихся и выдержала в период с 1893 по 1910 гг. 12 изданий.

К числу грамматик, относящихся в целом к прескриптивному типу, но обнаруживающих и черты теоретических, можно отнести и работу Дж.Несфилда [Nesfield 1944], впервые вышедшую в 1898 году, неоднократно переиздававшуюся в различных редакциях и оказавшую заметное влияние на грамматические штудии 20 века.

Первой же истинно научной английской грамматикой, в которой задача описания и таксономизации материала была подчинена задаче его теоретической интерпретации, был вышедший в двух томах капитальный труд Г.Суита “A New English Grammar, Logical and Historical”. Первый том впервые увидел свет в 1891 году [Sweet 1955], а второй - в 1898 [Sweet 1958]. В предисловии к первому тому Суит пишет, что его задача – восполнить потребность в научной грамматике, которая основывалась бы на критическом обзоре новейших результатов лингвистических исследований в области английского языка и, в частности, не ограничиваться описанием частей речи, а уделить внимание таким основным грамматическим категориям, как слово, флексия, предложение и другие [Sweet 1955, 5]. Особо показателен в этом отношении вводный раздел “Грамматика и язык”, где автор останавливается на важнейших методологических вопросах – определение грамматики, ее объекта, формы и значения, грамматических и логических категорий и тому подобное [там же, 1-48]. Трактровка Суитом предложения содержит ряд инноваций. Так, он разграничивает ‘общее’ (‘general’) предложение и специальное (‘special’), подразумевая под последним фразеологизированные клише типа *How do you*

do? I cannot help it и подобные; полное предложение ('full') и пустое ('empty'), трактуя второй вид как структуру, не содержащую семантически важной информации (в приводимом примере *is it me (that) you want?* первая часть – *is it me* – является, по мнению Суита, пустым предложением, так как логически является излишней и поэтому может быть легко опущена, будучи замененной объектом после глагола “полного” предложения: *do you want me?*). Говорится также об одночленных предложениях, о синтагматическом членении предложения с помощью интонации, о взаимосвязях между предложениями и частями сложного предложения и другое [там же, 155-161].

Можно сказать, что грамматика Суита положила начало эре научных английских грамматик 20 века, ориентированных на объяснение описываемых явлений. К такого рода трудам можно отнести грамматики Анионза [Onions 1965] (первое издание 1904 год), Крейзинги [Kruisinga 1932] (первое издание – 1909 год), Керма [Curme 1966] (первое издание – 1931 год), Есперсена [Jespersen 1933] и другие. Так, в сравнительно небольшом по объему труде Анионза по английскому синтаксису, пожалуй, впервые вводятся термины ‘паратаксис’ и ‘гипотаксис’ вместо привычно употреблявшихся до тех пор латинских терминов ‘координация’ и ‘субординация’ при описании соответственно сложносочиненного и сложноподчиненного предложений [Onions 1965, 153]. ‘Особо стоит отметить впервые вышедшую в 1924 году “Философию грамматики” О.Есперсена – работу, в которой автор рассматривает вопросы не только теории английского языка, но и многие общеязыковые проблемы [Jespersen 1925]. Что касается предложения, то наиболее эксплицитно его понимание Есперсеном изложено в его работе 1933 года: предложение есть (относительно) законченная и независимая единица коммуникации [Jespersen 1933, 106]. В отличие от Есперсена Крейзинга воздерживается от определения предложения, сознавая всю сложность этого явления и считает, что никому еще не удавалось дать удовлетворительное его определение и вряд ли удастся [Kruisinga 1932]. К числу наиболее известных английских грамматик первой трети XX века следует отнести и работы Поутсмы, в которых автор обсуждает члены предложения и типы простого предложения [Poutsma 1928], а также подробно описывает английское сложное предложение [Poutsma 1929].

В целом, следует отметить, что к концу первой трети XX столетия английской грамматической традиции удалось сделать целый ряд весьма интересных наблюдений над предложением, накопить большой опыт по описанию его природы и продемонстрировать способность к эволюции в соответствии с меняющимися взглядами на язык и общественными запросами. Вместе с тем, как и для всей лингвистики деструктурного периода, для английской синтаксической теории того времени было характерно отсутствие строгих процедур анализа предложения, размытость критериев его вычленения и описания, отсутствие среди исследователей некоего минимума согласованных позиций, с которых следовало подходить к выявлению его свойств.

Разработку теории предложения в русской “традиционной” лингвистике также можно рассматривать как прошедшую ряд стадий. По мнению В.В.Виноградова, “понятие предложения в русской грамматике 18 века и начала 19 века оставалось собственно за пределами описания языковой системы” [Виноградов 1958, 116], что позволило Виноградову охарактеризовать принципы изучения предложения в тот период как множественные и несогласованные [там же]. Анализируя грамматики М.В.Ломоносова и А.А.Барсова, Виноградов пишет: “... уже у Ломоносова логическая точка зрения на предложение сочетается со структурно–грамматической. Правда, грамматическая характеристика предложения является как бы отраженной и дополнительной. Но Ломоносов рассматривает предложение как словесное выражение суждения...” [там же, 117]. “В “обстоятельной” грамматике А.А.Барсова логический и структурно–грамматический анализы предложения сочетаются и – вместе с тем – разграничиваются гораздо более четко, чем у Ломоносова ...” [там же, 118]. И резюме: “Таким образом, у одного и того же грамматиста переплетаются логические, семантико–синтаксические и морфологические подходы к предложению. Учение о предложении как составной части русского синтаксиса развивается комплексно и в значительной степени “неграмматично” [там же, 118].

Начало 19 века знаменуется появлением ряда грамматических трудов (И.Рижского, А.Никольского, Н.Язвницкого, Л.Якоба и других), закладывающих основы логического подхода к синтаксису – подхода, позднее получившего законченное оформление в учении Ф.И.Буслаева. Предложение определяется Буслаевым как суждение, выраженное словами и состоящее из подлежащего и

сказуемого [Буслаев 1959, 269], при этом обосновывается тезис об обязательном наличии сказуемого в предложении [там же, 258], а сложное предложение трактуется, соответственно, как языковое выражение сочетания суждений [там же, 263]. Интересно, однако, заметить, что даже в таком гипертрофированно логическом учении как буслаевское содержится некая уступка творческому началу в языке: “Во всей точности выражения логического отношения, язык, сверх того, каждую мысль передает наглядно, облекая ее в звуки для того, чтобы одно лицо могло сообщить ее другому в разговоре”. И далее: “Язык есть выражение мысли с помощью членораздельных звуков; потому, сверх законов мысли, определяемых в логике, подчиняется он еще законам самого выражения, то есть законам сочетания членораздельных звуков” [там же, 263]. К этому творческому началу Буслаев относится весьма неодобрительно, считая его чертой языка на ранней ступени его развития; по мере эволюционирования язык приобретает все большую логическую строгость и непротиворечивость: “С течением времени язык более и более теряет свои первоначальные свойства, состоящие в художественном и разговорном характере и отличающие его от свойств логического и отвлеченного мышления, а, вследствие того, становится собранием условно принятых знаков, выражающих в своем сочетании только понятия и суждения” [там же, 265–266]. Действуя по принципу “если факты языка не укладываются в прокрустово ложе предуготовленных для них априорных логических схем, то тем хуже для фактов языка”, Буслаев все предложения, в том числе и безличные, рассматривает как двусоставные, центром предложения мыслит сказуемое, выраженное обязательно глаголом, и к этому типу пытается свести все другие типы предложений, характеризуя их как восходящие к глагольным и получившиеся в результате сокращения или опущения глагола. Думается, не будет ошибочным сказать, что в целом Ф.И.Буслаев неинтересен, так как неоригинален. Его лингвистическое учение – венец логицизма русского языкознания 19 века, представленного такими именами, как Н.И.Греч, А.Х.Востоков, К.С.Аксаков и И.И.Давыдов. Четыре издания буслаевской грамматики, выходявшие с 1858 по 1869 гг. подвели черту под безоговорочным господством логико-центрического взгляда на язык в русской лингвистике и положили начало интенсивной работе по определению языковых свойств предложения и его типов, что особенно ярко проявляется в трудах Н.П.Некрасова и В.Сланского. Впрочем, этим авторам также не удалось

в полной мере преодолеть грамматический логицизм и стать на собственно лингвистические позиции. В.Сланский ограничился постановкой и разъяснением общего вопроса о соотношении логических и грамматических элементов в предложении. Исходным пунктом грамматического анализа предложения продолжало быть объяснение его логического содержания и логического построения. Общий путь, указываемый В.Сланским для создания новой синтаксической теории, был далек от все более укреплявшегося тогда принципа историзма в языкознании” [Виноградов 1958, 329].

Первым, кому вполне удалось отказаться от логической парадигмы в анализе языковой системы и стать на путь подлинно лингвистического исследования, является А.А.Потебня. Именно Потебня со всей определенностью заявляет: “Слово не одним присутствием звуковой формы, но всем своим содержанием отлично от понятия и не может быть его эквивалентом или выражением уже потому, что в ходе развития мысли предшествует понятию” [Потебня 1958, 68]. “Грамматическое предложение вовсе не тождественно и не параллельно с логическим суждением” [там же]. Наконец: “Логическая грамматика не может постигнуть мысли, составляющей основу современного языкознания и добытой наблюдением, именно, что, языки различны между собой не одной звуковой формой, но всем строем мысли, выразившимся в них, и всем своим влиянием на последующее развитие народов. Индивидуальные различия языков не могут быть понятны логической грамматике, потому что логические категории, навязываемые ею языку, народных различий не имеют” [там же, 69].

В области синтаксиса Потебня воздерживается от определения предложения, ограничиваясь предупреждением о том, что, отвергнув логический подход к предложению, было бы в равной степени ошибочным впасть в другую крайность, рассматривая предложение как явление чисто психологическое [Потебня 1958, 83]. Таким образом, потебнианская синтаксическая концепция, отвергая умозрительные логические и синтаксические теории, закладывала основы исторического взгляда на природу предложения, звала к изучению сущности его грамматических категорий в каждый конкретный момент развития языка и считала приоритетным анализ языка и мышления в их взаимодействии.

Одной из крупнейших фигур в русской лингвистике конца 19 века был Ф.Ф.Фортунатов. Чрезвычайно много и плодотворно работавший в области общего языкознания, индоевропеистики и теории русского языка, в области синтаксиса Фортунатов внес значительный вклад в развитие теории словосочетания [Фортунатов 1956]. В области же учения о предложении, по справедливому замечанию М.Н.Петерсена, он был мало оригинален [Петерсен 1956, 14].

Этого никак нельзя отнести к другому видному представителю российской лингвистической мысли конца 19 – начала 20 вв. А.А.Шахматову, который признал именно предложение центральной, все объединяющей категорией коммуникативной речи, а отношения между словосочетаниями и предложениями представлял в диаметрально противоположном виде, чем учил Ф.Ф.Фортунатов: теория словосочетания есть лишь раздел основной области синтаксиса – учения о предложении [см. мнение Виноградова 1958, 391]. Склоняясь к психологической интерпретации сущности предложения и, шире, языка, Шахматов писал: “Предложение – это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления. Психологической основой нашего мышления является тот запас представлений, который дал наш предшествующий опыт и который увеличивается текущими нашими переживаниями; психологической же основой предложения является сочетание этих представлений в том особом акте мышления, который имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений; этот акт мы назовем коммуникацией” [Шахматов 1941, 19]. И ниже еще одно интересное и симптоматичное для синтаксической концепции Шахматова пояснение: “Субъект, предикат, объект и так далее – это понятия психологические; подлежащее, сказуемое, дополнение – понятия грамматические. Термин коммуникация предпочитаю термину пропозиция, ибо пропозиция – термин логики, не покрывающий собою вообще всех видов коммуникаций и соответствующий только тому их виду, который содержит утверждение или отрицание чего-нибудь (суждения)” [там же].

В.В.Виноградов следующим образом оценил синтаксические воззрения Шахматова: «‘Синтаксис русского языка’ А.А.Шахматова является до сих пор самым полным и самым глубоким описанием типов простого предложения в русском языке» [Виноградов 1950, 75]. Однако ниже он добавляет: «‘Синтаксис

русского языка' А.А.Шахматова не разрешил и не мог разрешить проблемы предложения. В нем нельзя найти ни законченной и стройной теории предложения, хотя бы только применительно к современному русскому языку, ни последовательного разграничения основных видов и типов предложения в современном русском языке. Шахматовское учение о двусоставных и односоставных предложениях не свободно от многих неясностей и противоречий. <...> Тем не менее, значение синтаксических работ А.А. Шахматова в истории русского языкознания очень велико [Виноградов 1950б 125].

В целом, русский синтаксис деструктурного периода, особенно в лице своих лучших представителей – А.А.Потебни и А.А.Шахматова – пытался (не всегда, впрочем, успешно) разграничить логическое суждение и предложение, рассмотреть предложение с собственно лингвистических позиций, создать его всестороннее и комплексное описание. Вместе с тем, в связи с недостаточной разработанностью смежных разделов лингвистики, логики и психологии не всегда вполне удавалось провести вполне четкие разграничительные линии между различными аспектами рассмотрения предложения, что порой приводило к крену в чистый психологизм, к гипертрофированию стихии индивидуального речевого высказывания и недооценке роли общих закономерностей структурирования предложения. Попыткой преодоления этих и других методологических трудностей традиционной лингвистики стало создание Ф. де Соссюром в начале XX века структуральной теории языка – теории, нацеленной на разработку объективных, формальных, унифицированных критериев подхода к языку. Но лишь с появлением в 1933 году работы Л.Блумфильда "Язык" структурализм стал на два с лишним десятка лет доминирующим направлением в мировом языкознании. Как пишет Р.Робинс, в момент расцвета этой теории казалось, что лингвистика наконец достигла некоей стабильности и выработала фундаментальные принципы и понятия, пересмотр которых в будущем был мало вероятен [Robins 1976, 274].

При попытке дать общую характеристику структурализму Т.Виноград прибегает к метафоре «лингвистика как химия». Он пишет, что структуральный лингвистический анализ строился в соответствии с позитивистской философией, характерной для представителей естественных наук, которые придавали особое значение экспериментальной работе с целью установления

жестких структурных особенностей исследуемого материала. Химик проводит эксперименты с целью определения набора молекул, из которых состоит сложное вещество, и далее анализирует молекулы как в свою очередь состоящие из более простых элементов. Выдающимся достижением химии стало определение ограниченного набора базовых элементов, различные комбинации которых представляют собой все огромное разнообразие природных веществ. Язык, состоящий из предложений, составленных из слов, которые, в свою очередь, составлены из звуков, подлежал в структурализме подобного же рода анализу [Winograd 1983, 10-11].

Помимо других отличительных черт структурализм обладал двумя особо интересующими нас в контексте рассматриваемой проблематики характеристиками: а) центральной единицей лингвистического анализа впервые было объявлено предложение и б) интерпретировать предложение предлагалось в сугубо формальных терминах, а основными аналитическими процедурами его исследования становились опять-таки формальные трансформации разного рода (деление по непосредственно составляющим, субституция, элиминация и т.п.). Эта последняя черта определила и другое название рассматриваемого направления - дескриптивизм, так как в задачу исследования не входили вопросы порождения предложения, а главной целью полагалось описание его структурных свойств.

Здесь надлежит сделать одну существенную оговорку. Дело в том, что структурализм не представлял из себя монолитной лингвистической школы¹, а уже изначально воплощался по крайней мере в двух достаточно несхожих концептуальных парадигмах. Первую олицетворяли собой американская и копенгагенская школы, вторую - пражские лингвисты. В недрах первой из упомянутых со временем развилась теория С.Лэма, которую он назвал "стратификационной грамматикой" и которая, отрицая лингвистические взгляды

¹ Заметим, что копенгагенцы, усвоив философию родоначальников метода – американцев, довели его до самых радикальных форм: «Пожалуй, наиболее последовательное (и тем самым, доведенное до предела) понимание структуры было выражено в «Пролегоменах к теории языка» Луи Ельмслева ...» [Степанов 1995, 15]. Ср. также мнение Ю.М.Скрёбнева о том, что «развиваемое датской школой утверждение Ф. де Соссюра, что язык представляет собой систему чистых отношений, безразличную к манифестирующей ее материальной субстанции, делает принципы глоссематики неприемлемыми для целей конкретного исследования. Глоссематика, в сущности, занимается общей теорией знака, интерпретацией системы отношений внутри системы абстрактных лингвистических понятий, но не стремится к тому, чтобы стать экономной теорией описания языкового материала» [Скрёбнев 1985, 103].

Блумфильда, основывалась на учении Соссюра и копенгагенской глоссематики [Лэм 1977]. У Соссюра Лэм и его последователь Д.Локвуд заимствовали представление о языке как о системе значимостей, в которой ценность каждого отдельного элемента определяется его соотношениями с другими элементами. С глоссематикой стратификационную грамматику роднит прежде всего, как замечает Локвуд, признание автономности языковых уровней [Lockwood 1972, 260]. Вместе с тем стратификационная лингвистика была отчасти генеративной теорией (о генеративизме см. ниже), что заставляет рассматривать ее как стоящую в стороне от "столбовой дороги" структурализма.

Типичной трактовкой предложения структуралистами-дескриптивистами, так сказать, "в чистом виде" является понимание его как независимой лингвистической формы, не включенной посредством какой-либо грамматической конструкции в какую-либо большую грамматическую форму [Блумфильд 1968]. Именно структуралистам данного направления адресует свой упрек Р.Лонгакр, когда пишет, что самый большой недостаток анализа по непосредственно составляющим – это сегментация *ad hoc* отдельных предложений без попыток привести результаты такого анализа в систему и, таким образом, анализ по непосредственно составляющим не в состоянии дать связную картину грамматической структуры языка [Longacre 1970, 174]. К характеристике именно этого направления в структурализме приложимы слова П.Постала о том, что структурная, или дескриптивная, лингвистика всегда характеризовалась отсутствием интереса и враждебным настроением к универсальной грамматике. По его мнению, в некоторых своих крайних проявлениях дескриптивизм заходит так далеко, что отрицает ее существование [Postal 1970, 113].

Гораздо более интересной, на наш взгляд, и давшей более плодотворные результаты является интерпретация предложения пражскими структуралистами, определявшими свое учение о языке не как просто структурное, а как функционально-структурное. Компонент «функциональный» не был, как мы постараемся показать ниже, пустым «довеском» к термину «структурализм», а весьма существенным образом разворачивал движение научной мысли в ином направлении, нежели предписываемом ортодоксальными структуралистами типа Л. Блумфильда, Л. Ельмслева и др.

Так, Ф. Данеш считает, что самой характерной чертой пражских структуралистов, в отличие от других структуральных школ, является функциональный подход, который есть результат признания инструментального характера языка и проявляется в постоянном интересе к проблемам значения, к лингвистике речи, к стилистике, к анализу текста [Daneš 1970, 133]. Комментируя то содержание, которое пражские лингвисты вкладывают в термин «функция», Ф. Данеш считает нужным обратиться к дискуссиям, вызванным «Пролегоменами» Л. Ельмслева. Данеш показывает, что пражане и копенгагенцы в термин «функция» вкладывают прямо противоположный смысл: если датские лингвисты употребляют этот термин в логико-алгебраическом смысле, то чешские ученые понимают под «функцией» те задачи или цели, для выполнения которых служат язык или его компоненты [Daneš 1987: 4-5].

Один из наиболее видных функционалистов 20 века С. Дик характеризует функциональное направление как такое, которое исходит из предположения, что языковые выражения не являются произвольными формальными объектами, а, напротив, их свойства чувствительны к прагматическим факторам человеческого вербального взаимодействия и определяются ими. Структура языка, как и вообще любого инструмента, полагается хотя бы частично объяснимой условиями, в которых он используется, и целями, для которых он предназначен. В функциональной парадигме синтаксис не считается автономным по отношению к семантике, но скорее рассматривается как средство для создания значимых выражений, а система языка в целом не может полагаться автономной от прагматики [Dik 1987, 82]. Целью функциональной грамматики С. Дик полагает развитие общей теории синтаксической и семантической организации естественных языков на основе функциональной перспективы в отношении природы естественного языка. Под функциональной перспективой понимается то, что язык прежде всего понимается как инструмент коммуникативного вербального взаимодействия между говорящими и слушающими, и то, что семантико-синтаксическая организация языка считается подчиненной этой прагматической цели. При этом С. Дик формулирует следующие три требования функционально-ориентированной теории: функциональная грамматика должна быть прагматически адекватной, т.е. она должна быть способна к интеграции в более широкую модель; она должна быть

психологически адекватной, т.е. совместимой с реалистичными психологическими моделями языковой обработки; и она должна быть типологически адекватной, т.е. способной объяснить различную семантико-синтаксическую организацию в терминах одинаковых принципов, правил, конвенций [Dik 1982: 121-122]. В отношении рассматриваемого объекта – предложения представляется важным разграничение С. Диком трех различных типов или «слоев» функций: семантической функции (агенса, цель, реципиент, бенефициант и т.д.), синтаксической функции (субъект, объект и т.д.) и прагматической функции (топик, фокус и т.д.). Эти различные функции могут быть приписаны составляющим предикации на различных ступенях ее развития, так как один и тот же конститuent может быть охарактеризован комбинацией функций на трех уровнях. Предполагается, что каждый слой функций вносит свой вклад в окончательное информационное содержание выражения, а также, благодаря способности приводить в действие правила выражения, в совместное определение формы, в которой будет реализована глубинная предикация [Dik 1982: 123].

Что касается прагматов, то их подход к предложению основывается на сосюрровской дихотомии язык/речь: имя «предложение» означает, с одной стороны, некую синтаксическую форму, т.е. абстрактный образец, который представляет одну из нескольких формальных грамматических единиц данной лингвистической системы и, с другой стороны, конкретные высказывания, которые являются реализациями предложений-образцов в коммуникативном акте. В отличие от абстрактной модели предложения, высказывание относится к некоторому кусочку реальности, к определенной актуализации и является органичной составной частью текста. Разумеется эта дистинкция применима также к словам как единицам лексической системы, с одной стороны, и как к членам особого высказывания, с другой. Но было бы ошибкой думать, что высказывание и дискурс полностью относятся лишь к сфере речи, что разница между высказыванием и лежащей в его основе грамматической структурой предложения носит лишь индивидуальный и случайный характер и, таким образом, не допускает никакого научного описания и интерпретации. Напротив, утверждает Данеш, даже высказывание как таковое обнаруживает некие социальные, т.е. неиндивидуальные и неслучайные свойства. Речь

контролируется некими нормами, как лингвистической, так и нелингвистической природы [Daneš 1970, 133-134].

В поддержку этого мнения Данеша высказывается и П. Луелсдорф, который, указывая, что возникновение пражского структурализма было реакцией на атомизм младограмматиков 19 века, вслед за П. Сгаллом говорит о следующих трех его основных чертах:

а) акцент делается преимущественно на семантико-прагматические функции единиц различных уровней языковой системы;

б) считается, что внутри отдельного уровня элементарные единицы функционируют как части сложных, занимая определенное положение в их структуре;

в) функция (прежде всего в коммуникации), для выполнения которой язык приспособлен, полагается подверженной вариативности и, таким образом, соответственно меняющейся цели использования языка изменяется и ракурс его рассмотрения.

Пражцы, делает вывод Луелсдорф, сформулировали комплексный подход к изучению языковой системы, не теряя из поля зрения вопросы использования языка, его функции в коммуникации (и в других отношениях), т.е. моделей дискурса, психологической реальности языка (интериоризованные модели, используемые отдельными говорящими) и взаимоотношения языка и мышления [Luelsdorf 1994, 1-4].

Неудивительно поэтому, что структурализм в его функциональной разновидности надолго пережил дескриптивный структурализм американского образца и не ушел далеко на задний план подобно последнему при появлении резко альтернативного ему течения в лингвистике - трансформационно-порождающей грамматики. Генеративная теория, заявившая о себе во весь голос после публикации Н. Хомским в 1957 году работы «Синтаксические структуры» [Хомский 1962], подобно структуральным теориям в центр исследования ставила предложение, однако трактовала его принципиально иначе, чем дескриптивизм. Реальные предложения языка объявлялись поверхностными структурами, произведенными от соответствующих глубинных структур посредством определенных трансформационных правил. Всей лингвистической теории, таким образом, как полагал Хомский, был задан некий динамизм, резко контрастировавшей со статичной философией

дескриптивизма. Философской основой нового учения была объявлена картезианская рационалистическая концепция, а его суть виделась Хомскому в последовательном ментализме.

Подходящей метафорой для трансформационно-порождающей грамматики является, по мнению Т.Винограда, выражение «лингвистика как математика», поскольку используемое Хомским понятие языковой компетенции очень напоминает доказательство в математике. Математику можно трактовать как своего рода «язык» формул, а задачу математика - как объяснение, какие комбинации символов представляют собой истинные суждения. При этом математика не интересуется, как люди «изобретают» такие суждения, а также что происходит в их сознании, когда они читают или доказывают их. Целью математики является установление набора правил и формальных механизмов, которые однозначно определяют истинность того или иного суждения. Трансформационно-порождающая грамматика рассматривает язык как математический объект и строит теории, весьма схожие с набором аксиом и правил вывода в математике. Предложение является грамматичным, если существует определенная трансформация, которая демонстрирует, что его структура находится в соответствии с набором правил, наподобие того, как доказательство демонстрирует истинность математического выражения [Winograd 1983, 12]. Огромный резонанс, который получила трансформационно-порождающая грамматика, и несомненное влияние, оказанное ею на лингвистические штудии второй половины XX века, заставляют нас остановиться на ее достоинствах и недостатках более подробно.

Начнем с того, что, как указывалось в литературе, дистинкция глубинных и поверхностных структур постулируется еще со времен античной древности и характерна для всех менталистских концепций языка, отличительной чертой которых является, в частности, признание языковых универсалий. Таким образом, истоки рассматриваемой дистинкции следует искать во взглядах Аристотеля, Платона, грамматистов Пор-Рояля и Гумбольдта. При этом Хомский неправильно называет грамматику Пор-Рояля картезианской, т.к. нет никаких свидетельств того, что Арно и Лансло построили свою лингвистическую теорию на взглядах Р.Декарта; напротив, сами они указывают, что во многом обязаны некоему Санктиусу, преподавателю латыни времен испанского Ренессанса, который выдвинул понятие «логического языка»,

содержащего элементы, не обнаруживаемые в реально употребляемом «нелогическом» языке [Mišeska-Tomić 1986, 75-76].

Несомненно интересной и заслуживающей всяческого одобрения была попытка Хомского преодолеть бихевиористскую концепцию языка приверженцев дескриптивизма, полагавших правильным трактовать речевую деятельность как реакцию на внешний стимул-раздражитель. Следует высоко оценить, на наш взгляд, и такие выделяемые Е.С.Кубряковой черты трансформационно-порождающей грамматики, как провозглашение приоритета гипотетико-дедуктивного подхода к языку взамен чисто эмпирического, индуктивного; положение о творческом, креативном характере деятельности и необходимости изучать именно эту сторону деятельности говорящих; признание семантического компонента в качестве неотъемлемого компонента грамматики и грамматического описания языка; рассмотрение языка как феномена ментального, феномена психики человека [Кубрякова 1995, 175]. Вместо наблюдения над языками с детальным описанием их грамматических механизмов Хомский в основу своего подхода положил наблюдение над языком вообще как рода ментальной деятельности человека, что было призвано вскрыть языковые и психические закономерности универсального характера. Но, несмотря на все эти положительные моменты, Хомскому, как представляется, не удалось создать адекватной во всех отношениях теории центральной единицы анализа генеративной грамматики – предложения, ибо некоторые изначальные посылки всей концепции основывались на ложных представлениях о природе объекта исследования.

Так, Л.С.Бархударов, отмечая, что генеративная грамматика была первой серьезной попыткой описания диалектически противоречивого отношения между формой предложения и его семантикой в терминах глубинных и поверхностных структур, говорит и об одном ее серьезном недостатке: глубинная структура предложения в трактовке Хомского и его последователей является по сути дела не фактом структуры языка, а принадлежностью лингвистической теории, некоей абстрактной схемой – метаязыком для описания семантической структуры предложения. Между тем, считает Бархударов, если глубинная структура предложения действительно определяет его семантику, то она должна включать в себя лишь семантически релевантные показатели и абстрагироваться от всех сугубо формальных, семантически

нерелевантных моментов, вплоть до такого формального свойства предложения как его линейность, навязанного языку природой его звуковой материи и не имеющего семантической мотивированности [Бархударов 1976а, 9].

С точки зрения В.А.Звегинцева (также отмечавшего и положительные стороны учения Хомского, в частности, то, что оно концентрируется вокруг не отдельных единиц, явлений или фактов конкретных языков, а такой универсальной категории, как предложение, в которой и находит свое первичное выражение движение мысли), основную претензию генеративизму можно предъявить за то, что он проходит мимо отношений языка к опыту и хотя в качестве более далекой своей установки нацелен на познание мысли и выражение ее объявляет основной функцией языка, в действительности элиминирует ее из своих методических процедур. Отталкиваясь в конечном счете от поверхностных структур, порождающие модели замыкаются пределами языка как такового, и это последнее обстоятельство особенно ослабляет теоретическую значимость такого рода исследований. Как справедливо настаивает Звегинцев, невозможно познать суть языка, оставаясь лишь в пределах языка, как это делает Хомский, который, таким образом, идет на сознательный редукционизм, способный представить изучаемый объект в совершенно искаженном виде. «И если строится теория (как это имеет место у Н.Хомского), с ориентацией лишь на лингвистическую компетенцию, являющуюся идеализированной (т.е. фактически редукционистской) моделью говорящего-слушающего, в свою очередь, помещенную в идеализированную модель языковой общности, то уже по своим предпосылкам такую теорию следует оценивать как слишком слабую и неспособную справиться со своей задачей» [Звегинцев 1986, 30-31].

Необходимо отметить, что трансформационно-порождающая грамматика за почти полувековой период своего существования прошла длинный эволюционный путь, неоднократно обновляемая и корректируемая своим создателем Хомским. (Попутно заметим, что было бы трудно ожидать внутренней монолитности трансформационно-порождающей грамматики как учения, принимая во внимание ее многолетний «стаж» в лингвистической науке. И действительно, она оказывается представленной несколькими версиями, одна из которых получила разработку в трудах Ф. Лифринка и вошла в лингвистический обиход под названием «семантико-синтаксис». Ф. Лифринк

– один из тех трансформационно-генеративных лингвистов, которые считают, что глубинный синтаксис и семантика – одно и то же. Он демонстрирует, что конституентные категории, такие как «именная группа» и «глагольная группа» являются чисто поверхностно-синтаксическими и не могут быть использованы для описания семантико-синтаксиса. Ф. Лифринк предлагает описать семантико-синтаксис в терминах признаковых (feature) категорий, которые прямо коррелируют с их проявлениями в поверхностном синтаксисе [Lieftrink 1973]). Однако и в конце XX столетия аналитики языка не считают, что трансформационно-генеративной грамматике удалось избавиться от существенных недостатков, вызванных изначально неверными посылами и гипотезами.

Так, положив в основу метода сравнение глубинных (ядерных) и поверхностных структур, Хомский считал правомерным сопоставление целостной поверхностной структуры реального предложения с целостной глубинной структурой, в которой в силу того, что она уже структурирована, задаются структурное значение и ролевые характеристики каждого компонента. Но при такой процедуре, как полагает Н.А.Кобрина, сложное сравнивалось с очень простым, примитивным, «букварным» по структуре и смыслу. Отсюда и ограниченные возможности метода: все структуры, которые были несводимы к ядерным структурам, оказались за пределами рассматриваемого объекта, в частности приложения, обособления, уточнения, присоединения, вставные элементы, неполные предложения, то есть всё то, что не обеспечивало внутренней повсеместной связанности; с другой стороны, не годились для этого метода структуры сложные, в которых целое состоит из частей разной степени законченности и самостоятельности – сложные предложения, предложения с комплексами, с герундиальными, причастными, инфинитивными оборотами и др. «В этом, конечно, большая уязвимость метода, так же как и сравнение с простейшей структурой, являющейся еще одним промежуточным звеном в процедуре сравнения и тем самым увеличивающей степень относительной точности получаемых данных. Особенно наивно звучит интерпретация семантики сложного предложения как складывающейся из семантики двух простых» [Кобрина 1998, 109].

Вполне оправданной критике подвергается и понимание Хомским языковой способности человека, которое не дает ключа к решению проблемы его

способности к осуществлению коммуникативной деятельности. «Языковая способность, по Хомскому, - это способность говорящего-слушающего порождать грамматически правильные предложения. У Н.Хомского представление о языковой способности – это также представление об одном из возможных способов структурного описания языковой системы, понятый его критиками как функциональная модель психического механизма продуцирования и восприятия речи. Очевидно, что для речевого общения недостаточно владеть только правилами порождения грамматически правильных предложений, необходимо, кроме того, адекватно задачам общения строить свое воздействие на собеседника и в соответствии с этим, т.е. уместно, употреблять речевые высказывания» [Общение. Текст. Высказывание 1989, 15]. И.В.Поляков также отмечает, что расхождение между поверхностной и глубинной структурами предложений объяснимо в свете того, что в генеративной лингвистике этой структуре придается независимая от коммуникативных факторов и условий форма, в то время как зависимость структуры предложения от условий его формирования и коммуникативного намерения говорящих убедительно продемонстрирована многими лингвистическими исследованиями [Поляков 1987, 182]. Следовательно, узкие рамки, которыми Хомский ограничивает языковую способность, оказываются слишком тесными для понимания того, каким же образом язык приспособлен для выполнения конечной своей функции – быть средством коммуникации.

При рассмотрении трансформационно-порождающей грамматики необходимо обратить внимание и на тот факт, что компонент «порождающая» в ее названии является в определенной степени вводящим в заблуждение, так как дает основание думать, что вся концепция ориентирована на исследование мыслительных основ генерирования высказываний. На самом деле, как отмечает Т.Виноград в развитие свое метафоры «лингвистика как математика» в применении к генеративизму, механизмы порождения речи интересуют лингвиста-генеративиста не больше, чем математика интересуется то, каким образом он генерирует математические выражения [Winograd 1983, 13].

С серьезными трудностями сталкивается трансформационно-порождающая грамматика при попытке применить ее методы к анализу реального речевого материала во всем его богатстве и разнообразии. Как известно, реальные речевые построения весьма часто характеризуются отходом от строгих

синтаксических норм, использованием иррегулярных конструкций и неканонизированных синтаксических моделей. При этом следует помнить, что, как отмечает Дж.Лакофф, «нерегулярности» в грамматике нормальны и порождены природой самой грамматики [Lakoff 1970]. Рассматривая данную проблему более широко, Т. Тэйлор и Д. Камерон отмечают, что при наличии аграмматичных построений в речи слушающий и говорящий могут на них не отреагировать, могут их даже не заметить. Если их основной заботой является успешность коммуникации, нет причины думать, почему они должны это заметить. Вообще, как отмечают авторы, стандарт грамматичности, который приложим к письменной речи неприменим к повседневной разговорной речи. Если принять это заключение, то можно увидеть, что в условиях речевой ситуации некоторая аграмматичность, бессвязность, эллипсисы, самокоррекции, «мычания» и т.д. совершенно естественны и не вызывают коммуникативных проблем. Очень важно понимание того, что не следует уравнивать следующие два вопроса: а) как пользователи языка должны структурировать высказывание с тем, чтобы сделать его грамматичным?; б) как пользователи языка должны структурировать высказывание с тем, чтобы сделать его коммуникативно пригодным? Когда главной заботой говорящих является не грамматическая правильность высказывания, а его коммуникативная пригодность, первый вопрос нерелевантен или, по крайней мере, нерелевантен до тех пор, пока кто-то не решает сделать его нарочито релевантным [Taylor, Cameron 1987: 152-154]. По справедливому замечанию В.В. Богданова, при спонтанном диалогическом общении стороны обычно мало контролируют или вообще не контролируют грамматической отмеченности высказываний, поэтому спектр отклонений от грамматической правильности в таких случаях довольно велик [Богданов 1996: 270].

В свете вышеизложенного становится не вполне понятным, как «работают» трансформационные правила Хомского при преобразовании глубинной структуры в поверхностную: неясно, дают ли они сбой при порождении говорящим нерегулярных, аграмматичных синтаксических структур или при этом происходит применение каких-то иных трансформационных правил, не совпадающих с правилами «правильных» трансформаций.

Таким образом, трансформационно-порождающая грамматика, не справившись с выявлением сущности центрального своего объекта –

предложения, не сумела и сформулировать адекватной концепции языка в целом, на что она открыто претендовала. Мы вполне разделяем мнение Ю.С.Степанова, что «... в американской лингвистике, охваченной «бумом генеративизма», не было сформулировано ни одного сколько-нибудь значительного понимания языка. Напротив, облик языка, подобно изображению в фасетчатом глазу стрекозы, все более дробится на различные «фасетки», типа «Язык как функциональная система», «Язык как активность» и т.д. и т.п». [Степанов 1995, 29].

Обратим теперь свой взгляд на развитие синтаксической теории в отечественной лингвистике во второй трети XX века. Структурально-дескриптивное направление, как и позже генеративизм, не получили у нас того господствующего положения и широкого распространения, как на Западе, несмотря на довольно большую русскоязычную литературу, написанную в русле данных лингвистических концепций. Превалирующей представляется тенденция толковать предложение в лучших традициях русской лингвистической мысли, идя по пути уточнения, обогащения и корректировки уже утвердившихся представлений синтаксистов о предложении, а не отвергая их как антинаучные и несоответствующие никаким реалиям языка. Так, В.В.Виноградов сформулировал в работе 1955 года следующее определение предложения: «предложение – это грамматически оформленная по законам данного языка целостная (т.е. неделимая далее на речевые единицы с теми же основными структурными признаками) единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» [Виноградов 1975, 254]. Совершенно очевидно, что эта дефиниция и отдаленно ничем не напоминает дескриптивистское теоретизирование в духе Блумфильда или Ельмслева.

Были в указанный период и отдельные попытки вернуться к трактовке предложения с позиций логической теории. Так, Е.М.Галкина-Федорук, подробно рассматривая проблему соотношения логики и грамматики и столь же подробно освещая логические категории – представления, понятия, суждения, трактует предложение в тесной связи с суждением и через него, в конечном итоге, приходя к выводу об обусловленности свойств предложения свойствами его логического субстрата – суждения. Неоднократно подчеркивая нетождественность предложения и суждения, грамматики и логики, Галкина-

Федорук фактически, тем не менее, устанавливает между ними столь тесную взаимосвязь, что никакие апелляции к «диалектическому единству» не помогают – интерпретация предложения в основе своей остается логической. Закономерен поэтому и вывод автора, что мышление может осуществляться исключительно в языковой форме [Галкина-Федорук 1958].

Стоит отметить, что и на Западе, даже во время господства генеративизма (каковой отличался необычайно агрессивным типом поведения по отношению к своим оппонентам) плодотворно работали ученые, исповедовавшие точку зрения на язык, альтернативную генеративистской. Так, на рассматриваемый период пришлась творческая деятельность британского лингвиста М.А.К. Хэллидея, не замеченного в особых симпатиях к трансформационно-порождающей грамматике Хомского. По мнению К. Давидсе, сам Хэллидей выделяет две лингвистические традиции. К первой он относит взгляды пражских лингвистов и свои собственные, называя эту традицию функциональной (наиболее полное изложение принципов, методов и терминов функционализма находим в [Halliday 1985]), а ко второй причисляет Блумфильда и Хомского, называя эту традицию формальной. Как и пражская школа, Хэллидей занимает критическую позицию по отношению к дихотомии Хомского «компетенция/употребление», которую Хаймс не без иронии уподобляет взгляду на язык как на «райский сад». Компетенция – «рай»: это есть знание непротиворечивого лингвистического кода, которым владеет гипотетический идеальный носитель языка, живущий в гомогенном языковом сообществе. Употребление представляет собой «грехопадение»: когда идеальный код реально используется в специфических социокультурных условиях физиологически ограниченными индивидуумами, он оказывается безнадежно испорченным. Не менее 95% фактически произносимых высказываний являются, строго говоря, аграмматичными. Следовательно, как полагает Хомский, лингвист должен заниматься изучением компетенции, а не отклонений от нее, возникающих при употреблении. Против такой методологии и возражают пражская школа и Хэллидей, показывая, что с должным применением соответствующего аналитического инструментария становится возможным сформулировать обобщения относительно контекстно-обусловленного функционирования языка [Davidse 1987, 40-41].

В рамках рассматриваемой проблематики нельзя пройти мимо такой характеристики теории Хэллидея, как ее совместимость с представлениями об устройстве языка, бытующими в нейролингвистике (см. [McKellar 1990]), что еще более резко, по мнению Г.Б.МакКеллара, контрастируют с идеями Хомского. Последний, подчеркивая идею автономности грамматической теории и самодостаточности внутрилингвистического описания, не считает нужным прибегать к рассмотрению фактов, лежащих за пределами порождающего процесса. Хэллидей придерживается прямо противоположного мнения, полагая необходимым прибегать к использованию и учету внешних по отношению к структуре языка фактов, добытых при нейролингвистических исследованиях и могущих пролить свет на существенные особенности устройства языковой системы [там же, 342-343]. По мнению Т.Винограда, лингвистическая концепция Хэллидея пригодна и для использования в качестве теоретической основы при моделировании машинного (искусственного) интеллекта, ибо, в отличие от трансформационно-порождающей грамматики Хомского, она прибегает к понятию «системных сетей» при описании взаимопроникновения и взаимодействия различных языковых явлений [Winograd 1972, 16].

Научные биографы Хэллидея Джойа и Стентон взяли на себя труд реферирования его многочисленных работ с целью показать эволюцию взглядов Хэллидея на описываемые им категории языка. Одной из таких категорий является предложение, определяемое Хэллидеем следующим образом: "... here 'sentence' is the name given to the largest (unit) about which grammatical statements are to be made" (Предложение есть имя, используемое для обозначения самой большой единицы грамматического описания² – цитата из работы 1956 г.); "There will always be one unit which, more than other, offers itself as an item for contextual statement because it does the language work in situations: so it might as well always have the same name: 'sentence'" (Предложение – это контекстуально описываемая единица, посредством которой язык коррелирует с ситуацией – цитата из работы 1961 г.); "... the sentence is still significantly the lowest 'non-disorderable' unit; it is the unit with which as it were, language operates in situation" (Предложение есть низшая структурированная единица; это единица, посредством которой язык, так сказать, оперирует в ситуациях – цитаты из

² Перевод цитат Хэллидея везде наш. – А.Х.

работы 1964 г.) [Joia, Stenton 1980, 12-13]. Этот интерес Хэллидея к фактору ситуации и контекста был стимулирован взглядами его предшественника и учителя Дж.Р. Фёрта [Firth 1957]. При всем внимании к факторам контекста и ситуации Хэллидей не считает возможным отказаться и от применения структурных методов, под которыми он подразумевает не отдельную школу лингвистики, но ту часть общей лингвистической теории, которая разрабатывает и применяет формальные лингвистические методы [Halliday 1957, 55]. Соединение структурно-формального с содержательно-функциональным анализом и имело своим результатом создание Хэллидеем лингвистической теории, получившей название «системно-функциональная грамматика» [Halliday 1976].

Еще одной интересной лингвистической теорией, развивавшейся за рубежом параллельно генеративизму, была тагмемика. Как пишет Р. Робинс, центральным аналитическим и описательным понятием теории является тагмема. Тагмема есть место в структуре (синтаксической и морфологической) вместе с формальным классом элементов, занимающих это место. Для обозначения места (позиции) в структуре используется термин 'slot', а для обозначения заполняющего его элемента – термин 'filler'. Существуют тагмемы уровня предложения, уровня части сложного предложения, уровня словосочетания, уровня слова [Robins 1976, 288-289]. Тагмемика, как указывает Э.Хэмп, призвана смягчить некоторую ригидность стратификационных теорий языка, слишком жестко отстаивающих положение об автономности языковых уровней [Hamp 1969, 246-247]. Идея иерархического устройства языка, таким образом, не была новаторской в тагмемном анализе – имплицитно она присутствовала в дескриптивной лингвистике и эксплицитно в стратификационной теории. Но анализ иерархии с позиций теории непосредственно составляющих не привел, как отмечает Р.Лонгакр, к созданию обобщенной картины иерархии [Longacre 1970, 1974]. Именно эта задача и была значительно успешнее решена тагмемикой.

Лонгакр также выявляет и связь тагмемики с теорией Хэллидея. По мнению ученого, теория Хэллидея, изложенная в книге 'Scale-and-Category Grammar' 1960 года, ближе всех стоит к тагмемике. Момент отличия грамматики шкал и категорий от тагмемики заключается в том, что первое не предусматривает возможности совмещения языковых уровней [там же].

В целом, уже к 70-м гг., с одной стороны, с достаточной очевидностью выявилась несостоятельность структурально-дескриптивных теорий языка, а, с другой стороны, нарастало разочарование в идеях и методах трансформационно-порождающей грамматики. Реакцией на сложившееся положение дел был «семантический взрыв» 70-х гг., расчистивший путь для новых представлений о языке с акцентированием внимания на его значимостной стороне. В области теории предложения это означало появление нового мощного направления, получившего название «семантический синтаксис». Первые ростки семантико-синтаксических теорий мы обнаруживаем и раньше указанного периода (например, известная работа Л.Теньера “*Éléments de Syntaxe Structurale*” была опубликована еще в 1959 году [Tesnière 1959]), однако как направление в языкознании семантический синтаксис формируется именно в 70-е гг. с появлением трудов таких лингвистов, как Ч.Филлмор [Филлмор 1981а; Филлмор 1981б], У.Чейф [Чейф 1975], В.В.Богданов [Богданов 1977] и др.

Предложение в семантическом синтаксисе рассматривается как восходящее к пропозиции – структуре, состоящей из некоторого количества актантов, или аргументов (число которых в частном случае может равняться нулю), и связывающего их реляционного предиката. Пропозиция трактуется как мыслительный аналог отражаемой человеком онтологической ситуации, т.е. положения дел в реальном мире, в котором некоторое количество действующих лиц или предметов (партиципантов) связано некоторым отношением. Языковым способом обозначения отношений в структуре предложения является, как правило, глагольное слово, а языковыми коррелятами партиципантов ситуации и их пропозициональных аналогов - актантов – приглагольные имена. Концепция, таким образом, носит ярко выраженный вербоцентрический характер, т.к. организующим центром предложения считается глагол – именно он задает количество и ролевые характеристики имен.

Одной из первых работ рассматриваемого направления в отечественном языкознании была книга Т.П.Ломтева «Предложение и его грамматические категории», увидевшая свет в 1972 г. С самого начала автор заявляет, что предложение будет трактоваться им с семантической позиции: «С семантической точки зрения предложение есть цепочка знаковых единиц, представленных словами разных классов, в некотором огрублении – словами

определенных частей речи. Знаковые единицы, входящие в состав предложения, организованы по законам данного языка, и организующим центром являются свойства глагола – полнозначного или неполнозначного – как определенного класса слов» [Ломтев 1972, 3]. Далее дается описание одно-, двух-, трехместных предикатов. Термин «пропозиция» ни разу не употребляется, однако выдвигаемая Ломтевым идея конвертируемости наталкивает на мысль, что фактически автором рассматривается возможность вариативной поверхностно-синтаксической реализации единой пропозиции: «Возможность конвертирования отношений между предметами предиката делает информацию о денотате более богатой, а различительные средства предложения более выразительными. Предложения *Колхоз выдал колхозникам аванс* и *Аванс выдан колхозом колхозникам*, *Колхоз обеспечил колхозников авансом* и *Колхозники обеспечены (колхозом) авансом*, *Колхозники получили аванс от колхоза* и *Аванс получен колхозниками от колхоза* обозначают одно событие (один денотат), но, вместе взятые, они выражают более богатую информацию, чем любое из них, отдельно взятое, причем каждое из этих предложений имеет свою семантическую специфику» [там же].

Ломтев крайне неодобрительно относится к логицизму в грамматике, и это также объективно характеризует его как представителя семантико-синтаксического направления. Если сторонники генеративизма считали, что в основе предложения лежит логическая структура, то представители семантического синтаксиса полагали, что основой предложения является структура пропозициональная, корреспондирующая с обозначаемой предложением онтологической ситуацией.

Семантический синтаксис, начав активно развиваться с 70-х гг. и произведя немало интересных наблюдений над языком за два десятка лет, в 90-х гг. постепенно уходит с повестки дня лингвистических исследований. 90-е гг. отмечены появлением лишь отдельных «рафинированных» его версий типа продвинутой версии референциально-ролевой грамматики Ван Валина, в которой, в частности, отстаивается идея наличия в предложении глагольно-аргументного ядра и неаргументной (сирконстантной, например, темпоральной

и локативной) периферии [Advances in role and reference grammar 1993]*. Этим данная синтаксическая концепция вполне сродни большинству работ в области семантического синтаксиса, появившихся в 60-70-е гг. Однако, к чести пропонентов референциально-ролевой грамматики следует отметить, что уже в ранних ее версиях предприняты попытки анализировать грамматические системы с учетом коммуникативной функции их элементов. При этом чисто семантико-синтаксический анализ предложения считается недостаточным - в рассмотрение решающим образом включается прагматика. «Мы рассматриваем взаимодействие между синтаксисом, семантикой и прагматикой как отношение, при котором синтаксические конструкции предопределяются в первую очередь, но не исключительно взаимодействием семантических и прагматических факторов. Другими словами, синтаксическая структура высказывания рассматривается как результат взаимодействия между намерениями говорящего сообщить пропозиционально формулируемую информацию, с одной стороны, и ограничениями, накладываемыми социальным и лингвистическим контекстом, в котором осуществляется высказыванием, - с другой» [Ван Валин, Фоли 1982: 378]. Введение прагматического компонента в исследовательский инструментарий выгодно отмечает референциально-ролевую грамматику от других теорий семантико-синтаксического плана.

Думается, что не будет ошибкой утверждать, что к настоящему времени семантический синтаксис в его, так сказать, «классическом» варианте практически полностью исчерпал свои методологические ресурсы. Давая критический анализ семантико-синтаксическому направлению, Н.А. Кобрин справедливо, с нашей точки зрения, ставит ему в вину следующие моменты. Во-первых, игнорирование семантическим синтаксисом понятийного субстрата оставляет открытым вопрос о том, на основании чего происходит формирование актантной сетки пропозиции. Во-вторых, вербоцентрической концепции оказывается отнюдь не по плечу задача выявления смысла предложения, на что она претендует. Одна из теоретических трудностей в этом плане заключается в том, что понимание глагола как центра смысловой структуры предложения не стыкуется с особенностью глагола в номинативном плане – с непредметностью

*Ср. однако, точку зрения А.А. Кибрика и В.А. Плунгяна, относящих референциально-ролевую грамматику Ван Валина к числу морфосинтаксических исследований в рамках современного функционализма [Кибрик, Плунгян 1997: 282-292].

его значения (глаголы – слова признаковые), с релятивностью его семантики (ср. также мнение Н.Д. Арутюновой «Благодаря способности имен к денотации, а вовсе не только и не столько благодаря модально-временным категориям глагола, предложение получает отнесенность к действительности. Денотацией могут обладать в предложении лишь имена, идентифицирующие, замещающие предметы, о которых делается сообщение» [Арутюнова 1976: 104]). В-третьих, семантический синтаксис грешит попытками сравнить несравнимое, а именно: первоначальную пучковую организацию связей в пропозиции с конечной линейной организацией синтаксических связей в предложении. «Сущность процесса линеаризации не вскрывается, отмечается лишь его сложность, а тот очевидный факт, что в пропозиции все связи радиальны и изолированы и замкнуты на бинарные связи предикат-актант, в то время как в цепочке при линеаризации большинство компонентов имеют двойные, а нередко и тройные связи – этот факт просто игнорируется» [Кобрина 1998, 104].

Вышеизложенный краткий очерк развития теории предложения позволяет, как нам кажется, сделать три основных вывода:

1. Попытки описания свойств столь сложного и многоаспектного объекта, как предложение, за весь период существования синтаксической теории характеризуются высокой степенью плюрализма мнений, широкой вариативностью установок и значительным разнообразием методологических принципов.
2. Ни одной из существовавших (или существующих) лингвистических теорий не удалось предложить удовлетворительной во всех отношениях концепции предложения.
3. Несмотря на отмеченную в настоящей статье полярность взглядов на сущность предложения (что, вообще говоря, неудивительно: многие вновь появившиеся синтаксические теории основывались на отрицании своих предшественников, иногда принимавшем форму глубокого методологического конфликта), представляется возможным выделить один общий для них всех фундаментальный недостаток, заключающийся в том, что предложение трактуется в основном в статичном аспекте, его динамическому аспекту уделяется либо мало, либо вообще никакого внимания. На первый взгляд, это утверждение кажется справедливым лишь для некоторых концепций предложения,

например, для условно называемой здесь традиционной (включая логическую) и дескриптивно-структуральной; оно может показаться парадоксальным по отношению к трансформационно-порождающей и семантико-синтаксической школам – ведь они исходят из существования неких мыслительных структур, предшествующих реальному предложению, и исследуют процесс вербализации этих структур. На самом деле парадокса здесь нет, что мы и попытаемся показать ниже.

Начнем с того, что глубинные предложения Хомского, как и пропозиции семантического синтаксиса оказываются при ближайшем рассмотрении вовсе не столь «глубокими», как их определяют авторы соответствующих концепций, а лежащими близко к «поверхности» синтаксических явлений. Поэтому простор для реализации по-настоящему динамического подхода оказывается слишком мал. Далее, не описывается динамика построения самих глубинных предложений и пропозиций, их наличие констатируется как некоторая данность, т.е. сугубо статически. К этому следует добавить, что и поверхностные предложения, анализируемые в генеративной грамматике и семантическом синтаксисе, не получены в результате выборки примеров из живой, динамичной, контекстно-адаптированной и ситуационно-обусловленной речи, а представляют собой грамматически статично-языковые предложения-образцы, предложения-модели, предложения-схемы типа варьируемых на разный лад структур «Джон дал Мэри книгу», «Книга была дана Джоном Мэри», «Мэри получила книгу от Джона», «Книга была получена Мэри от Джона» и т.д. и т.п. Предметом исследования при таком подходе и объектом приложения теоретических усилий становятся предложения-конструкты, почти столь же виртуальные, что и их прообразы - глубинные предложения и пропозиции. Наконец, никто из представителей рассматриваемых лингвистических школ при описании процесса преобразования глубинных структур и пропозиций в предложения языка ни разу не озаботился освещением роли столь важного фактора, как время. Любой процесс, как известно, протекает во времени, и любая по-настоящему динамическая теория результирующего продукта процесса требует признания релевантности фактора времени и его исследования. Для предложения это требование актуально вдвойне – будучи в отличие от слова знаком сложным, оно конструируется в особом оперативном

времени [Гийом 1992], неучет которого обнаруживает всю беспочвенность претензий любой синтаксической теории на динамичность.

Таким образом, не все теории, заявляющие о себе как о динамических, на самом деле являются таковыми. Даже в отношении трансформационно-порождающей грамматики - теории, более других претендующей на динамизм, - справедливо, на наш взгляд, следующее замечание: «По существу интерпретирующий характер носили и многие генеративные модели. Хотя их заманчивое название и наводило на мысль о том, что в них найдут отражение конструктивные элементы создания речевого высказывания или что в них будут предложены некие руководства по порождению синтаксических конструкций, фактически мы находим в них скорее способы анализа готовых предложений» [Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи 1991, 34].

Неудовлетворенность решением основных вопросов синтаксической теории в рамках, по сути, антименталистских подходов слышится в словах Д.Локвуда, сказанных им еще в 1972 году, о том, что пришло время для очередного изменения фокуса лингвистических исследований, который в определенном смысле представляет собой бóльший отход от генеративизма, чем генеративизм являлся от дескриптивизма. Этот новый фокус называется когнитивной лингвистикой. Подобно тому, как фокусом лингвистических исследований в рамках дескриптивизма были элементы языкового материала, а фокусом генеративной лингвистики были правила, касающиеся обобщения относительно языкового материала, фокусом когнитивной лингвистики должны стать связи, репрезентирующие информацию в мозгу говорящего [Lockwood 1972: 12].

Коль скоро приходится признать, что все уже более или менее устоявшиеся и оформившиеся синтаксические теории трактуют предложение в статичном ключе, то, может быть, упомянутый выше когнитивно-функциональный подход сумел преодолеть момент статичности и перевел рассмотрение предложения в истинно динамический план? К сожалению, на этот вопрос можно ответить лишь отрицательно. Позволим себе сослаться в этой связи на мнение А.В.Циммерлинга, которое мы разделяем: «Формалист (сторонник Хомского) видит сущность грамматики в автономности вычислительной системы от употребления. Современный концептуалист (ныне называющий себя функционалистом) видит в грамматике инструмент, позволяющий отразить или даже воплотить (модное слово: кодировать) те или иные сущности плана

содержания - денотативные реалии, когнитивные стратегии. <...> Между тем, обе точки зрения имеют общий изъян: языковая форма, от чего бы ее ни отрывали, и с чем бы ни сопоставляли, берется обеими сторонами как данность, статично. Альтернативу образует динамический подход...» [Циммерлинг 2000, 132-133]³. Думается, что разработка именно динамического подхода к предложению и может составлять дальнейшую исследовательскую перспективу.

Список литературы

1. Аракин В. Д. Очерки по истории английского языка. – М., 1955.
2. Арутюнова Н.Д. Логические теории значения // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976.
3. Бархударов Л.С. Глубинная структура предложения в семиотическом аспекте // Проблемы синтаксической семантики: материалы научной конференции. – М., 1976а.
4. Бархударов Л.С. Проблема предложения в трактовке различных грамматических направлений // Вопр. языкознания. – 1976б. - № 3.
5. Блумфильд Л. Язык. – М., 1968.
6. Богданов В.В. Лингвистическая прагматика и её прикладные аспекты // Прикладное языкознание: Учебник / Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, Г.Я. Мартыненко и др.; Отв. ред. А.С. Герд. – СПб.: Изд-во С.–Петербург. ун-та, 1996. – С. 268-275.

³ Попутно отметим, что два рассматриваемых направления характеризуются внутренней неоднородностью и, по мнению У.Крофта, представлены следующими теориями: принцип трансформационно-порождающей грамматики Хомского используется в таких концепциях, как теория управления и связывания Хомского (Government and Binding Theory), лексико-функциональная грамматика Бреснан (Lexical Functional Grammar), реляционная грамматика Перлмуттера (Relational Grammar), грамматика генерализованных фразовых структур Газдара (Generalized Phrase Structure), грамматика ядерно-ориентированных фразовых структур Полларда и Сага (Head-Driven Phrase Structure Grammar); функциональный подход реализуется в следующих лингвистических концепциях: в референционно-ролевой грамматике Фоли и Ван Валина (Role and Reference Grammar), когнитивной грамматике Лангакера (Cognitive Grammar), теории грамматических конструкций Лакоффа, Филлмора, Кэя, О'Коннора (Grammatical Construction Theory), дискурсивно-ориентированной теории Хоппера, Томпсон и Гивона (discourse-based theories). При этом отмечается и факт взаимопроницаемости теоретических установок указанных направлений. Так, лексико-функциональная грамматика Бреснан обнаруживает элементы дискурсивного подхода к анализу синтаксического материала, а функциональный синтаксис Куно (functional syntax) методологически базируется в основном на генеративных принципах [Croft 1991, 1-2].

7. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л., 1977.
8. Бруннер К. История английского языка. Том 1. – М., 1955.
9. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959.
10. Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике – М., 1982.
11. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975.
12. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). – М., 1958.
13. Виноградов В.В. «Синтаксис русского языка» акад. А.А.Шахматова // Вопросы синтаксиса современного русского языка / Под ред. В.В.Виноградова. – М.: Учпедгиз, 1950.
14. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. – М., 1958.
15. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М., 1992.
16. Звегинцев В.А. Естественный язык с точки зрения логики и лингвистики // Язык. Наука. Философия. Логико-методологический и семиотический. – Вильнюс, 1986.
17. Иофик Л.Л., Чахоян Л.П., Пospelова А.Г. Хрестоматия по теоретической грамматике английского языка. – Л., 1981.
18. Кобрин Н.А. Плюрализм лингвистических концепций в семантике // Творческое наследие В.Г. Адмони и современная филология. – СПб., 1998.
19. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сб. обзоров. – М.: Изд-во Московск. универ-та, 1997. – С.276-339.
20. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М., 1995.
21. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. – М., 1972.
22. Лэм С.М. Очерк стратификационной грамматики. – Минск, 1977.
23. Общение. Текст. Высказывание. – М., 1989.

24. Петерсен М.Н. Академик Ф.Ф. Фортунатов // Ф.Ф. Фортунатов. Избранные труды. Т. 1. – М., 1956.
25. Поляков И.В. Лингвистика и структурная семантика. – Новосибирск, 1987. .
26. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. – М., 1958.
27. Расторгуева Т.А. История английского языка. – М., 1983.
28. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. – Саратов, 1985.
29. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в конце XX века // Язык и наука конца XX века. – М., 1995.
30. Филлмор У. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. – М., 1981.
31. Филлмор У. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. – М., 1981.
32. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т.1. – М., 1956.
33. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. – Вып. 2. - М., 1962.
34. Циммерлинг А.В. Американская лингвистика сегодняшнего дня глазами отечественных языковедов // Вопросы языкознания. – 2000. - № 2.
35. Чейф У.Л. Значение и структура языка. – М., 1975.
36. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М., 1991.
37. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941.
38. Advances in role and reference grammar / Ed. R.D. Van Valin, Jr. - Amsterdam/Philadelphia, 1993.
39. Bain A. A Higher English Grammar: New edition, revised and enlarged. – New York, 1904.
40. Croft W. Syntactic Categories and Grammatical Relations: The Cognitive Organization of Information. – Chicago and London, 1991.
41. Curme G.O. English Grammar. – New York, 1966.
42. Daneš F. On Prague School Functionism in Linguistics // Functionalism in Linguistics / Eds. R.Dirven, V.Fried. – Amsterdam/Philadelphia, 1987.
43. Daneš F. One Instance of Prague School Methodology: Functional Analysis of Utterance and Text // Method and Theory in Linguistics. – The Hague – Paris, 1970.

44. Davidse K. M.A.K. Halliday's Functional Grammar and the Prague School // Functionalism in Linguistics / Eds. R.Dirven, V.Fried. – Amsterdam / Philadelphia, 1987.
45. Dik S.C. Auxiliary and Copula *BE* in a Functional Grammar of English // Linguistic Categories: Auxiliaries and Related Puzzles. Vol. Two: The Scope, Order, and Distribution of English Auxiliary Verbs. – Dordrecht, etc., 1983.
46. Dik S.C. Some Principles of Functional Grammar // Functionalism in Linguistics / Eds. R.Dirven, V.Fried. – Amsterdam/Philadelphia, 1987.
47. Firth J.R. A Synopsis of Linguistic Theory, 1930-1955 // Studies in Linguistic Analysis. – Oxford: Basil Blackwell, 1957.
48. Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. – Baltimore, 1985.
49. Halliday M.A.K. Some Aspects of Systematic Description in Grammatical Analysis // Studies in Linguistic Analysis. – Oxford: Basil Blackwell, 1957.
50. Halliday M.A.K. System and Function in Language. – London: Oxford University Press, 1976.
51. Hamp E.P. American Schools of Linguistics (Other Than Generative-Transformational) // Linguistics Today. – New York; London, 1969.
52. Jespersen O. Essentials of English Grammar. – London, 1933.
53. Jespersen O. The Philosophy of Grammar. – London-New York, 1925.
54. Joia A. de, Stenton A. Terms in Systemic Linguistics. A Guide to Halliday. – London, 1980.
55. Kruisinga E. A Handbook of Present - Day English. Pt. 2. English Accidence and Syntax. Vol. 3: 5-th ed. – Groningen, 1932. .
56. Lakoff G. Irregularity in Syntax. – New York, etc.: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1970.
57. Liefrink F. Semantico-Syntax. – London: Longman Group Ltd, 1973.
58. Lockwood D.G. Introduction to Stratificational Linguistics. – New York, etc.: Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1972.
59. Longacre R.E. Hierarchy in Language // Method and Theory in Linguistics. – The Hague – Paris, 1970.
60. Luelsdorff P.A. Introduction // The Prague School of Structural and Functional Linguistics: A Short Introduction. – Amsterdam/Philadelphia, 1994.
61. McKellar G.B. The Language of Neurolinguistics: Principles and Perspectives in the Application of Linguistic Theory to the Neuropsychology of Language //

Learning, Keeping and Using Language: selected papers from the 8th world congress of applied linguistics, Sydney, 16 - 21 August 1987. – Amsterdam/Philadelphia, 1990.

62. Mišeska-Tomić O. The Depth of Deep Structure // Language and Discourse: Test and Protest: A Festschrift for Petr Sgall. – Amsterdam/Philadelphia, 1986.
63. Nesfield J.C. English Grammar: Past and Present. – London, 1944.
64. Onions C.T. An Advanced English Syntax. Based on the Principles and Requirements of the Grammatical Society. – London, 1965.
65. Postal P.M. The Method of Universal Grammar // Method and Theory in Linguistics. – The Hague – Paris, 1970.
66. Poutsma H. A Grammar of Late Modern English. Pt. 1. The Sentence. First half: The Elements of the Sentence: 2-nd ed. – Groningen, 1928.
67. Poutsma H. A Grammar of Late Modern English. Pt. 1. The Sentence. Second Half: The Composite Sentence. – Groningen, 1929.
68. Robins R.H. General Linguistics. An Introductory Survey. – London, 1976.
69. Sweet H. A New English Grammar, Logical and Historical. Pt. 1: Introduction, Phonology, and Accidence. – Oxford, 1955.
70. Sweet H. A New English Grammar, Logical and Historical. Pt. 2: Syntax. – Oxford, 1958.
71. Taylor T.J., Cameron D. Analysing Conversation. Rules and Units in the Structure of Talk. – Oxford, etc.: Pergamon Press, 1987. – VIII, 169 pp.
72. Tesnière L. Éléments de Syntaxe Structurale / Preface J. Fourquet. – Paris, 1959.
73. West A.S. The Elements of English Grammar with a Chapter on Essay Writing. – Cambridge, 1910.
74. Winograd T. Understanding Natural Language. – New York, London: Academic Press, 1972.
75. Winograd T. Language as a Cognitive Process. Volume I: Syntax. – Reading (Mass.): Addison – Wesley Publishing Company, 1983.